

И.А. Дегтев

От событий на Халкин-Голе до пакта о нейтралитете: отношения между СССР и Японией в донесениях советских дипломатов в Токио (1939—1941)

Аннотация. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. советско-японские отношения переживали сложные времена. Монгольский вопрос, пограничные инциденты непрерывно ухудшали двусторонние контакты. Находясь в состоянии вражды и открытой конфронтации, власти обеих стран задерживали и обыскивали рыболовные суда, искусственно нагнетали шпиономанию, усиливали нажим на левые элементы (Япония) и арестовывали тех, кто по научной или иной работе был связан с враждебной стороной (СССР). Ограничившись двумя событиями из советско-японской истории этого времени, автор анализирует, как в период между завершением конфликта на реке Халкин-Гол (1939) и подписанием пакта о нейтралитете (1941) менялись советско-японские отношения и атмосфера восприятия стран друг друга. На примере донесений в Москву сотрудников полпредства СССР в Токио автор исследует, как попытка Японии начать строить «новые отношения» с СССР отражалась на положении советских дипломатов и влияла на степень и качество взаимодействия японцев с ними. Отмечается, что, развивая взаимодействие с полпредством и оказывая внимание его сотрудникам, — как на публике, так и через личные приглашения на культурные мероприятия, — японские власти стремились подчеркнуть прогрессивный характер двусторонних отношений и создать вокруг них положительный образ. Это было частью внешней политики Японии, обусловленной международным контекстом, где поддержание относительного спокойствия отвечало интересам обеих стран. Японская «искренность», с которой сталкивались советские представители, при этом вызывала сомнения. Полпредство призывало своих работников быть бдительными к каждому шагу или знаку внимания со стороны японцев: сказывались как опыт прошлых взаимоотношений, так и представление, что изменения в позиции Японии по отношению к СССР носили временный и ситуативный характер. В некоторых случаях недоверие дипломатов усиливалось их собственными стереотипами о японцах, основанными на расовых, физических и бытовых предрассудках.

Ключевые слова: СССР, Япония, Халкин-Гол, советско-японские отношения, советские дипломаты, пакт о нейтралитете.

Автор: Дегтев Иван Андреевич, аспирант, факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (адрес: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 8-й подъезд).
ORCID: 0000-0001-7091-9328. E-mail: ivan.degtev@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дегтев И.А. От событий на Халкин-Голе до пакта о нейтралитете: отношения между СССР и Японией в донесениях советских дипломатов в Токио (1939—1941) // Японские исследования. 2025. № 2. С. 5—20.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-5-20.

I.A. Degtev

From the Khalkhin Gol events to the Neutrality Pact: Relations between the USSR and Japan in the reports of Soviet diplomats in Tokyo (1939—1941)

Abstract. In the late 1930s and early 1940s, Soviet-Japanese relations were going through difficult times. The Mongolian issue and border incidents continually worsened bilateral contacts. In a state of hostility and open confrontation, the authorities of both countries detained and rummaged fishing vessels, artificially whipped up spy mania, increased pressure on left-wing elements (Japan) and arrested those who were associated with the enemy side through scientific or other work (the USSR). Limiting himself to two events from Soviet-Japanese history of this time, the author analyzes how Soviet-Japanese relations and the atmosphere of mutual perception changed in the period between the end of the Khalkhin Gol River conflict (1939) and the signing of the Neutrality Pact (1941). Using reports from employees of the USSR Plenipotentiary Mission in Tokyo as an example, the author examines how Japan's attempt to begin building "new relations" with the USSR affected the position of Soviet diplomats and influenced the degree and quality of interaction between them and the Japanese. It is noted that, by developing cooperation with the Soviet diplomatic mission and paying attention to its staff, both in public and through personal invitations to cultural events, the Japanese authorities sought to emphasize the progressive nature of bilateral relations and create a positive image around them. This approach formed a part of Japan's foreign policy, conditioned by the international context, in which maintaining relative stability was in the interests of both sides. However, the Japanese "sincerity" encountered by the Soviet representatives often aroused skepticism. For every step or sign of attention from the Japanese, the Plenipotentiary Mission urged its personnel to be vigilant: both the experience of past relations and the perception that changes in Japan's position towards the USSR were temporary and situational were involved. In some cases, this distrust was intensified by the diplomats' own stereotypes about the Japanese, rooted in racial, physical, and everyday prejudices.

Keywords: the USSR, Japan, Khalkhin-Gol, Soviet-Japanese relations, Soviet diplomats, Neutrality Pact.

Author: Degtev Ivan A., Post-Graduate student, School of International Relations, Saint Petersburg State University (address: 1/3, 8th entryway, Smolny Str., Saint Petersburg, 191124, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7091-9328.
E-mail: ivan.degtev@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Degtev, I.A. (2024). Ot sobytii na Khalkin-Gole do pakta o neitralitete: otnosheniya mezhdu SSSR i Yaponiei v doneseniyaх sovetskikh diplomatov v Tokio

(1939—1941) [From the Khalkhin Gol events to the Neutrality Pact: Relations between the USSR and Japan in the reports of Soviet diplomats in Tokyo (1939—1941)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 5—20. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-5-20.

В 1939 г. Япония приняла окончательное решение о пересмотре взглядов на характер взаимоотношений с Советским Союзом. Этому способствовало несколько обстоятельств: заключение советско-германского пакта о ненападении, поражение Квантунской армии в ходе боев на реке Халкин-Гол и начало войны в Европе. Все три события оказали влияние на трансформацию внешней политики Японии, и если объявление Великобританией и Францией войны Германии вызвало куда меньше сильный шок, то сделку немецкого руководства с Москвой в Токио окрестили как однозначное и непростительное предательство [Молодяков 2012, с. 425]. Получив сообщения о предстоящем подписании пакта Молотова—Риббентропа, японская пресса практически сразу же обрушилась с критикой на правительство и МИД страны. Газеты писали о провале японской дипломатии и призывали к изменению ее курса. Временный поверенный в делах СССР в Токио Н.И. Генералов отмечал, что заключение советско-германского договора не только изменило международную обстановку, но и спутало все карты военных кругов Японии¹. Дипломат заключал, что в связи с произошедшим активно обсуждался вопрос, в каком направлении должна была двигаться империя: либо налаживать отношения с СССР, либо договариваться с Великобританией о разграничении сфер влияния в Китае.

Схожую картину рисовали в американском посольстве в Токио. Временный поверенный в делах Ю. Думэн писал, что все, начиная от правительственных чиновников и заканчивая простыми подданными, были ошеломлены действиями немцев². Возобладали гнев и возмущение, а обида из-за того, что Германия заранее не проинформировала Японию о переговорах с СССР, фактически поставила крест на дальнейшем укреплении Антикоминтерновского пакта и согласовании политики с Берлином³. Через своего посла, Осима Хироси (大島浩), Япония выразила официальный протест Германии, заявив о серьезном нарушении секретного протокола к Антикоминтерновскому пакту⁴, а именно второй статьи⁵. «Союз Японии с Германией и Италией и Антикоминтерновский пакт превращаются в пустую бумагу», — телеграфировал начальнику пятого управления РККА

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 170.

² FRUS, 1939. Vol. III, the Far East. Washington: United Press Government Printing Office, 1955. P. 51.

³ FRUS, 1939. Vol. III, the Far East. Washington: United Press Government Printing Office, 1955. P. 66.

⁴ DGFP. 1918—1945. Series D. Vol. VII. Washington: United States Government Printing Office, 1956. P. 278.

⁵ «Договаривающиеся Стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров, противоречащих духу настоящего соглашения» // Кошкин А.А. Японская дилемма 1941 года: удар на север или на юг. Стенограммы секретных Императорских совещаний и заседаний Координационного совета правительства и императорской ставки. Москва: Вече. 2024. С. 412.

секретарь военного атташе СССР в Токио В.И. Белокуров [Военная разведка информирует 2008, с. 163]. Похожую мысль в своих донесениях в Государственный департамент США высказывал американский посол в Москве Л. Штейнгардт. Он отмечал, что одним из главных преимуществ, которые Советский Союз приобрел в результате заключения с Германией пакта о ненападении, было ослабление германо-японского сотрудничества, направленного против СССР¹.

В атмосфере недоверия к Третьему рейху авторитет сторонников военно-политического союза с немцами резко упал, и фракция «оси» начала распадаться. С заключением советско-германского пакта в Министерстве армии Японии, считавшимся ядром японо-германского сотрудничества, на время даже возник запрет на обсуждение проекта трехстороннего альянса по линии Берлин—Рим—Токио [Носоуа 1976, с. 193]. Взяв на себя ответственность за то, что японское правительство не предвидело заключение советско-германского пакта, и символически продемонстрировав «завершение» политики сотрудничества с Германией, премьер-министр барон Хиранума Киитиро (平沼騏一郎) объявил об отставке своего кабинета. Сформировать новый кабинет министров было поручено генералу Абэ Нобуюки (阿部信行), чья кандидатура, как ожидалось, вызовет поддержку всех слоев общества, включая армию.

После нападения на Польшу 4 сентября 1939 г. правительство Абэ опубликовало заявление о невмешательстве Японии в европейскую войну. 13 сентября оно объявило, что страна будет придерживаться «независимой позиции» в международных делах [История войны на Тихом океане 1957, с. 307]. Стремясь к сбалансированной внешней политике, руководство Японии пошло по пути разрешения «Китайского инцидента» и улучшения отношений с Соединенными Штатами, Великобританией, Францией и Советским Союзом.

Не желая брать ответственность и связывать себя конкретными, прежде всего военными, обязательствами с немцами, японцы приняли меры для нормализации отношений с СССР. Конечно, в немалой степени их подталкивала к этому ситуация в Китае и стремление решить вопрос политической и экономической поддержки Москвой режима Чан Кайши. Информирова НКИД, Н.И. Генералов писал, что некоторые лидеры правых организаций рассматривали возможность заключения пакта о ненападении с Москвой [Документы внешней политики СССР 1992, с. 111]. По их мнению, восстановление отношений и сближение с СССР были необходимы для противодействия Великобритании. С другой стороны, по сообщениям резидента советской разведки в Токио Р. Зорге, труднее всего протолкнуть эту точку зрения было в рядах Квантунской армии, руководство которой с нежеланием шло на такой шаг [Русский архив 1997, с. 160]. Несмотря на разногласия и фракционную борьбу, существовавшую в японской политической элите, был принят курс на изменение политики в отношении СССР. «В вопросе прекращения политики авантюры против Севера, — заключал 27 сентября 1939 г. Зорге, — в настоящее время имеется общее соглашение всех фракций» [Русский архив 1997, с. 161].

¹ FRUS, 1940. Vol. I, General. Washington: United Press Government Printing Office. 1959. P. 654.

Восстановление советско-японских отношений

После приостановки боевых действий на Халкин-Голе и заключения перемирия в Москве ситуация в советско-японских отношениях постепенно менялась в лучшую сторону. Была достигнута договоренность о создании четырехсторонней комиссии об уточнении границы между МНР и Маньчжоу-го¹, обсуждался проект торгового соглашения. В ответ на предложение японского правительства улучшить торгово-экономические связи двух стран советские власти заявили о полной готовности к переговорам². Под занавес уходящего 1939 г. в Кремле нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов и японский посол в Москве Того Сигэнори (東郷茂徳) поставили подписи под новым протоколом о продлении рыболовной конвенции. «После подписания, в знак завершения переговоров, длившихся всю ночь в стенах Кремля, — вспоминал Того, — по приказу Молотова были поданы кое-какие *hors d'oeuvres* [закуски. — И.Д.] и напитки, и он поднял тост за улучшение советско-японских отношений, в котором также выразил благодарность за мои усилия. В ответ поднял бокал и я, сказав о знаменательности того факта, что первый день 1940 года, который станет памятным для всего мира, я встречаю в Кремле» [Того 1996, с. 205].

Изменения, происходившие на официальном уровне, закономерно отражались на положении советских дипломатов и влияли на характер взаимодействия японцев с ними. Исходя из вполне очевидных причин поддерживать мирные и добрососедские отношения с СССР, японским властям важно было показать, что «новые отношения» с Советским Союзом развивались по всем направлениям, в том числе через взаимодействие с его представителями в Токио. Уменьшилась антисоветская пропаганда в прессе, плакаты и лозунги, которые еще не так давно висели на улицах Токио, были убраны со всех мест³. Аналогичные меры были предприняты и с советской стороны. Посол США Л. Штейнгардт, анализируя слухи о возможном улучшении советско-японских отношений, 8 сентября 1939 г. сообщал в Вашингтон, что публичные нападки на Японию в прессе практически прекратились. По его наблюдениям, это подтверждалось и во время празднования XXV Международного юношеского дня на Красной площади, где было вывешено «сравнительно немного антияпонских лозунгов и транспарантов»⁴. Советское руководство хотя и не преследовало цели глубокой трансформации образа Японии, по мере восстановления отношений все же пошло на то, чтобы снизить тон и негативные коннотации Страны восходящего солнца в средствах массовой информации [Коршенко 2018, с. 121]. То же самое было сделано и японцами.

¹ Соглашение об уточнении границы в районе халкин-гольского инцидента было подписано 9 июня 1940 г., практическая демаркация монголо-маньчжурской границы завершилась в 1942 г.

² Торговый договор между СССР и Японией был подписан 9 декабря 1957 г. в Токио.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 174.

⁴ FRUS, 1939. Vol. III, the Far East. Washington: United Press Government Printing Office, 1955. P. 62—63.

«Злобные и антисоветские статьи, — писал 25 ноября 1939 г. Молотову К.А. Сметанин, назначенный новым полпредом СССР в Токио, — у значительной части газет сменились на более или менее уравновешенные, спокойные и ставящие вопросы по-деловому»¹. «Теперь жизнь Полпредства будет протекать в лучших условиях»², — заявлял в ходе первой неофициальной встречи со Сметаниным министр иностранных дел Японии Номура Китисабуро (野村吉三郎). Советский полпред признался, что рад слышать эти слова, однако не преминул напомнить, в каком «далеко не в удовлетворительном состоянии» все это время находилась работа полпредства и его сотрудников. Слова Номура отражали новый курс японской дипломатии, и то, с каким нетерпением общественность страны ожидала прибытия советского полпреда в Токио, только подтверждало это. «Насчет приезда т. Сметанина проявляют большой интерес все, — резюмировал в НКВД временный поверенный в делах Н.И. Генералов, — газеты пытаются связать его приезд с какой-то выработанной “новой” политикой СССР в отношении Японии, а его задержку с выездом объясняют происходящим обсуждением этой “новой” политики»³.

Выехав из Москвы 22 октября, Сметанин прибыл в Токио 6 ноября, при этом в японской столице его готовы были встречать задолго до этого. В то время, когда о дате приезда Сметанина не знало даже советское полпредство, в Японии на этот счет активно распространялись различные слухи. По мнению ряда японских газет, Сметанин должен был покинуть Москву 10 октября и отправиться в Страну восходящего солнца на месяц раньше, чем ожидалось. «Сметанин, — писала 23 сентября «Нитибэй симбун» (日米新聞) со ссылкой на «Хоти симбун» (報知新聞), — перенес запланированную дату своего отъезда на один месяц, чтобы провести переговоры с японским правительством об урегулировании отношений двух стран параллельно с проходящей сейчас Московской конференцией между послом Того и комиссаром иностранных дел Молотовым в соответствии с решениями Верховного Совета»⁴. На волне этих слухов делегация «Ассоциации рыболовных интересов» во главе с графом Кабаяма Сукэхидэ (樺山資英) планировала встретить Сметанина уже 13 октября. Узнав об этой новости от секретаря Кабаяма, Генералов сказал, что если они знают, что приезжает Сметанин, то пусть встречают, «у нас никаких сведений о его приезде пока нет»⁵.

Учтивость, которую выказывали японцы у себя дома, сопровождала Сметанина на протяжении всего пути до Токио. «29 октября утром в Отпоре (Забайкальске. — И.Д.), пересекли границу и прибыли на ст. Маньчжурия. Произошла необычайная встреча (точнее — давно таких встреч советским дипломатам не было): солидное число всяких официальных представителей, чрезмерная любезность и предупредительность, чрезвычайно вежливое обращение. <...> Несмотря на то, что в Сеул мы прибыли в три часа утра 2 ноября, и здесь нас встречали до-

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 150.

² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 254.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 227.

⁴ Nichibei Shimbun. 23.09.1939.

⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 227.

вольно-таки почетно»¹. По прибытии в город Сметанин дал интервью японским журналистам, и его фраза о том, что «между Японией и Советской Россией нет вопроса, который нельзя было бы решить мирным путем»², разлетелась и была помещена на первую полосу многих газет.

Перемена, произошедшая по отношению к советским дипломатам в Токио, не могла бы случиться без тогда идущих переговоров в Москве и улучшения политического климата между двумя столицами в целом. О том, насколько на фоне перелома в советско-японских отношениях уменьшился полицейский нажим, у Сметанина интересовались даже зарубежные дипломаты. «На мой вопрос, — отмечал в своем дневнике полпред, комментируя беседу с германским послом О. Оттом, — знал ли он (Отт. — *И. Д.*) об этом режиме, он буквально воскликнул: “О, очень хорошо”»³. Получив ответ, что режим ослаб, Отт, по словам Сметанина, «с некоторой хвальбой сообщил, что он лично не однажды беседовал с кем полагается об изменении этого режима, доказывая, что одним из мероприятий, улучшающим отношения между Японией и СССР, будет улучшение режима»⁴. Однако Отт не вызывал доверия, и позднее Сметанин дал ему такую характеристику: «Отт, имея дела и беседы с нами, в левой руке держит ветку “мира и дружбы”, а в правой хорошо отточенный кинжал, которым время от времени он орудует, возбуждая против нас кое-кого из своих японских друзей. <...> Прикидываясь другом и лебезя с нами, он всегда может сделать нам гадость. Осторожность и еще раз осторожность с подобным субъектом»⁵.

Через своего посла в Токио Германия стремилась выступить посредником в отношениях между СССР и Японией. Об этом японским партнерам сообщалось задолго до подписания советско-германского пакта о ненападении, правда, когда переговоры по нему уже велись. 21 августа 1939 г., перед поездкой рейхсминистра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа в Москву, японскому послу в Берлине в очередной раз была высказана мысль о целесообразности скорейшей нормализации японско-советских отношений: сначала на приеме у статс-секретаря МИД Германии Э. фон Вайцзеккера, сообщившего о «вынужденном» германо-советском сближении из-за провокаций Польши, британско-французского окружения и отсутствия успехов в переговорном процессе об альянсе трех держав, а потом в ходе личной беседы с Риббентропом. Немцы стремились убедить японцев в том, что врагом «номер один» для Японии и Германии являлась Британия, следовательно, договор с СССР заключался в интересах обеих стран [Милеев 2017, с. 109]. Уже после подписания пакта посреднические услуги своей страны Риббентроп предложил и И.В. Сталину. Советский лидер считал помощь Германии полезной, при этом ему не хотелось, чтобы у японцев создалось впечатление, что эта инициатива исходила от СССР. Согласившись со словами Сталина, Риббентроп подчеркнул, что всего лишь продолжит имевшие место беседы с япон-

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 252.

² Hartlepool Northern Daily Mail. 04.11.1939.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 258.

⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 258—259.

⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 94.

ским послом и что никаких инициатив ни с советской, ни с германской стороны в этом вопросе сделано не будет [1941 год... 1998, с. 579].

«Новые отношения» с СССР

Чтобы подчеркнуть прогрессивный характер советско-японских отношений и создать вокруг них благоприятную атмосферу, японские власти использовали разные средства.

С одной стороны, в ход шли политики и предприниматели, представлявшие «друзьями» СССР и рассуждавшие о «доброй воле» и «дружественных намерениях» японских властей. В советском посольстве к таким речам относились с недоверием и часто называли их не более чем «словесной демагогией» и «разглагольством»¹, за которыми, как считалось, не стояло конкретных действий. «Мы русские материалисты, — заявлял сотруднику японского МИД Андо Ёсиро (安東義良) первый секретарь полпредства СССР в Токио Г.Г. Долбин, — и для нас дела и факты имеют большое значение, чем словесные заверения даже высокопоставленных особ»². Произносились эти «заверения», как правило, на торжественных мероприятиях, завтраках, обедах и ужинах, куда приглашались советские дипломаты и где часто звучали призывы к сотрудничеству и установлению добрососедских отношений между двумя странами. «Цель этого “раута”, который устроили нам японцы, — заключал 2 июля 1940 г. в своем дневнике советник полпредства Я.А. Малик, — сводилась, очевидно, к тому, чтобы позондировать возможность общения с нами. Вполне очевидно, что все это было проделано с санкции и по инструкции руководства так называемого “обновленческого” движения из Японии, активным участником которого является вице-адмирал Сакондзи (Сэйдзо 左近司政三. — *И.Д.*), председатель Северо-Сахалинской нефтяной компании. Из газет и из личных бесед с отдельными представителями этого движения видно, что ряд активных деятелей этого движения, стремящихся перестроить Японию на “тоталитарный” лад, поддерживают идею о том, что как-то надо договориться с СССР»³. «Пассивность на севере и активность на юге»⁴, — ранее убеждал Сметанина Сакондзи. «Для меня становится непонятно, — вопрошал вице-адмирал на встрече с советским полпредом, — почему Советский Союз создает усиленную оборонительную линию на Дальнем Востоке, тем самым держа в напряжении Квантунскую армию. Было бы лучше, если бы Советский Союз понял точку зрения японских моряков и установил с Японией более дружественные отношения»⁵.

Хотя Сакондзи и раньше посещал советское полпредство, его визиты обрели особое значение в период, когда премьер-министром Японии был адмирал Ёнай Мицумаса (米内光政). Ёнай был известен своими умеренными и дружескими

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 803а. Л. 193.

² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 47.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 73.

⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 63.

⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 63.

взглядами на Советский Союз и выступал против союза с Германией. Из дипломатических документов следует, что в условиях обсуждения выбора направления агрессии к диалогу с СССР стремились прежде всего представители морских кругов, усилившие свои позиции в политическом руководстве страны и считавшие, что интересы Японии лежали в районе Южных морей.

С другой стороны, были попытки напомнить о существовании советско-японских культурных связей, которые, однако, по мере ухудшения международной ситуации и нарастания политического недоверия между странами к концу 1930-х гг. сошли на нет. Находясь в состоянии вражды и открытой конфронтации, власти обеих стран задерживали и обыскивали рыболовные суда, обвиняя друг друга в браконьерстве и нарушениях границы, искусственно нагнетали шпиономанию, усиливали нажим на левые элементы (Япония) и преследовали тех, кто по роду службы был связан с враждебной стороной (СССР) [СССР и страны Востока... 2010, с. 76].

В Японии с назначением в декабре 1937 г. на должность министра внутренних дел Суэцугу Нобумаса (末次信正) начались массовые аресты представителей левого движения. Несогласных с политикой правительства арестовывали и приговаривали к тюремным заключениям. «Левая и либерально настроенная интеллигенция быстро почувствовала нажим со стороны правящей клики. — писал в своем обзоре в НКВД Сметанин. — Не успела военщина начать войну в 1937 г. против Китайской республики, как министр внутренних дел начал в больших масштабах проводить разгром профсоюзов, левых организаций журналистов, литераторов, художников; арест радикально настроенных профессоров, наложение запрета на продажу “крамольных” книг, ограничение в выпуске журналов и проведение жесткой цензуры над печатным словом, кинокартинами и постановками в театрах»¹. За попытку создать движение народного фронта против войны Японии в Китае два члена парламента, лидеры «Японской пролетарской партии» (日本無産党) и «Всенародного крестьянского союза» (全国農民組合) Като Кандзю (加藤勘十) и Курода Хисао (黒田寿男) были приговорены к нескольким годам лишения свободы, а их организации запрещены. Параллельно с событиями в Японии в СССР, в разгар массовых репрессий, разворачивались гонения на известных ученых-японистов Москвы, Ленинграда и Владивостока. Д.М. Позднеев, Е.Д. Поливанов, Н.А. Невский, К.А. Харнский, Н.П. Овидиев были обвинены в шпионаже, срочно и тайно расстреляны. Н.И. Конрад, Е.М. Колпакчи, А.Л. Клетный, М.С. Цын, И.Л. Иоффе и др. остались живы, но так и не смогли избежать ареста и наказания в виде трудовых лагерей [Филиппов 2021, с. 105].

В обстановке, когда происходило восстановление советско-японских отношений, Япония решила разыграть культурную карту и обратиться к тем еще не закрытым в стране организациям, в задачи которых входило поддержание взаимодействия с СССР. В числе таких структур особняком стояло Японо-советское общество (日露協会). Являясь преемником Японо-русского общества, созданного в 1902 г., нынешняя организация, как и ее предшественник, своей главной целью ставила «изучение России и содействие дружбе обоих народов» [Самойлов 2015,

¹ АВР РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 79.

с. 32]. На протяжении всей своей истории общество пользовалось поддержкой и покровительством высокопоставленных лиц японской политики: ее бессменным президентом оставался принц Канъин Котохито (閑院宮載仁親王), а на разных этапах председателями и вице-председателями были военачальник Тэраути Масатакэ (寺内正毅) и известный политик Гото Симпэй (後藤新平).

Возобновив свою работу в 1926 г., общество продолжило изучать своего нового и в то же время старого соседа: оно поощряло исследования советской культуры, науки и искусства, а также занималось проведением лекций и приветственных встреч для почетных гостей из Советского Союза. Однако в эпоху повсеместных образов и стереотипов, когда каждый шаг или знак внимания со стороны японцев ставился под сомнение, деятельность Японо-советского общества не могла не рассматриваться в подозрительном ключе. К этому добавилось еще и то, что в апреле 1939 г. «совершенно незаметно для общественного внимания»¹ произошла его реорганизация. «Лишь случайно найденная нами заметка, — писал в июне того же года Молотову Сметанин, — помещенная в газете “Нити-Нити” 東京日日新聞 где-то на задворках газеты, информировала об этом факте»². Суть реорганизации сводилась к следующему: «1) изменить цель общества, с тем чтобы оно имело целью изучение положения СССР, оказывая тем самым содействие госполитике Японии; 2) просить принца Канъин отказаться от поста председателя этого общества; 3) принять коллегиальную систему советников (управляющих) этого общества из числа японцев-членов данного общества. Советниками (управляющими) нового органа назначаются следующие восемь человек: Охаси Синтаро (大橋新太郎), старый вице-мининдел Курати Тэцукити (倉知鉄吉), генерал-лейтенант в отставке Хасимото Тораносукэ (橋本虎之助), бывший японский посол в СССР Танака Токити (田中都吉), почетный профессор Токийского института по изучению иностранных языков Ясуги Садатоси (八杉貞利), бывший японский генконсул во Владивостоке Ватанабэ Риэ и затем из состава членов этого общества Нумата Масадзиро и Сэкинэ Сэйити»³.

После встречи с новым председателем общества, Курати Тэцукити, в полпредстве СССР в Токио Я.А. Малик сделал следующий вывод: «У меня создается впечатление, что это фиктивное общество существует лишь на бумаге и является по существу ничем иным, как одной из антисоветских ячеек в Японии, которая ставит своей целью и занимается разведывательной деятельностью в отношении СССР. При соответствующей политической обстановке это общество быстро подкрашивается в “Японо-русское” и даже “Японо-советское общество”, через которое японцы и пытаются провести то или иное мероприятие, требующее соприкосновения с Полпредством СССР в Токио»⁴. По мнению Малика, целью данного общества было не улучшение культурных взаимоотношений между СССР и Японией, о чем заявлял Курати, а «изучение положения Советского Союза и районов, находящихся в непосредственном соседстве с

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 127.

² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 127.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 127.

⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 172.

ним, для способствования развитию государственной политики Японии»¹. Аналогичную оценку организации давал Сметанин, называя ее «давно умершим обществом»², которое японцы решили возродить в свете «новых отношений» с СССР. При этом ни Малик, ни Сметанин не отвергали до конца идею сотрудничества с обществом, хотя бы на том основании, что оно могло принести определенную пользу для полпредства, а именно — получать дополнительную информацию о тех или иных людях и распространять печатные материалы об СССР.

Изменение риторики в адрес СССР и стремление к поддержанию с ним добрососедских отношений влияли на публичную деятельность советских дипломатов в Японии. Если в феврале 1939 г., как это было на прощальном банкете, устроенном в честь бельгийского посла А. де Бассомпьера, ряд зарубежных дипломатов старались избегать публичных бесед с советскими представителями³, то по мере того, как СССР все активнее участвовал в европейских и дальневосточных делах, контакты между двумя группами людей постепенно расширялись. Теперь уже не только японцы (по понятным причинам), но и иностранцы стремились обратить на себя их внимание. Один из таких показательных случаев произошел на похоронах Китасиракава Нагахиса (北白川宮永久王), двоюродного брата императора Хирохито (裕仁), погибшего, как сообщала пресса, в авиакатастрофе при исполнении служебных обязанностей во Внутренней Монголии в Китае⁴. На официальной церемонии прощания с принцем советскую сторону представляли К.А. Сметанин и советник полпредства Д.А. Жуков. Полпред сообщал, что среди иностранцев от него «отворачивались» лишь два или три человека, тогда как остальные дипломаты «охотно и здоровались, и беседовали»⁵. Аналогичную любезность выражали японцы: «Сегодня Мацуока (Ёсукэ 松岡洋右, министр иностранных дел. — *И. Д.*) со мной, а Ниси (Харухико 西春彦, заместитель. — *И. Д.*) с Жуковым подчеркнуто любезно приветствовали нас»⁶.

Главным символическим выражением изменившегося отношения к советским дипломатам можно назвать появление на территории полпредства СССР в октябре 1940 г. директора-распорядителя театра «Кабуки» 歌舞伎座. Целью его визита было пригласить посла Сметанина на одну из постановок, посвященных празднованию 2600-й годовщины со дня основания Японской империи. В истории советского посольства эта ситуация была уникальной. «Сам по себе этот факт, — писал Я.А. Малик, — очевидно, в истории советского посольства беспрецедентный, когда директор театра лично приглашает посла»⁷. Несмотря на дипломатические акты вежливости и стремление подчеркнуть нормальный ход развития советско-японских отношений, советские дипломаты продолжали, од-

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 172.

² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 151.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 19.

⁴ Shin Sekai Asahi Shimbun. 06.09.1940.

⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 150.

⁶ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 150.

⁷ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 174.

нако, считать, что японские власти в силу сложившихся международных обстоятельств таким образом пытались «заигрывать» с представителями СССР.

Вершиной проявления «дружественной» политики Японии по отношению к Советскому Союзу и его дипломатам стало подписание в апреле 1941 г. пакта о нейтралитете. «С момента обмена ратификационными грамотами в конце апреля 1941 г. в японо-советских отношениях начинается кратковременная “весна”. В прессе появляются статьи, хотя и в сдержанных тонах, но подчеркивающие “эпохальное” значение пакта в деле улучшения японо-советских отношений. Взаимные встречи, беседы, обеды, подготовка к выпуску специального номера японо-советского журнала, усиление общения с отдельными представителями культурных кругов (профессорами, художниками, артистами, композиторами, киноработниками), просмотр кинокартин, переговоры об обмене кинокартинами и т. д.»¹, — спустя год отмечал в своем отчете в НКВД Малик, комментируя заключение советско-японского пакта.

Японская печать, по сообщениям ТАСС, уделяла пакту большое внимание и писала о том, что за политическим соглашением последует подписание торгового договора². Это была не единственная новость, которую обсуждала пресса. Иностранные агентства с большой охотой сообщали о якобы сделанном на Ярославском вокзале Мацуока предложении Молотову посетить с ответными визитом Токио и о том, что это предложение было принято советским наркомом³.

Заключение советско-японского пакта вызвало неоднозначную, а порой и негативную реакцию в мире. По мнению «Ассошиэйтед Пресс», советско-японский договор не влиял на текущую ситуацию в международных отношениях, однако в будущем, при определенных обстоятельствах, мог стать причиной серьезных изменений⁴. Газета «Вашингтон пост» связывала подписание пакта с расширением японской агрессии в Юго-Восточной Азии и одновременно с этим выражала недовольство участием и ролью в нем СССР. «Таким образом, — писало издание, — Россия становится соучастником будущих японских агрессий точно также, как в августе 1939 г. ее договор с Германией способствовал германской агрессии. Советский Союз разжег большой пожар и в настоящее время, по-видимому, решил его не ослаблять»⁵.

В то время, когда газеты писали о последовавшем за заключением пакта советско-японском сближении⁶, представители СССР на некоторое время стали главными героями общественной жизни Японии. Упоминание в прессе, специальное приглашение в «Кабуки-дза», знакомство с одним из известных актеров современности — Оноэ Кикугоро Шестым (六代目尾上菊五郎) [Документы внешней политики СССР 1998, с. 619]. 29 апреля на военном параде в Токио, организованном по случаю дня рождения императора Хирохито, К.А. Сметанин,

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 84—85.

² ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 149.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 6.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 6.

⁶ Nippu Jiji. 29.04.1941.

следуя за немецким послом О. Оттом, и вовсе оказался в одном ряду с главными союзниками Японии по Тройственному пакту — Германией и Италией. Расстановка могла быть иной, если бы не отсутствие американского, английского и французского послов — старших по времени пребывания глав дипломатических представительств¹. Причины, по которым они не пришли, могли разные. Возможно, их отсутствие было связано с указаниями из центра: Великобритания и Франция находились в состоянии войны с Германией, а это, в свою очередь, вынуждало послов демонстративно избегать встреч с немцами (аналогичные меры были приняты в период советско-германской войны). Не исключено, что США, сохраняя нейтралитет, но при этом «морально» и экономически поддерживая Британию, распорядились таким же образом и выслали соответствующие инструкции своим дипломатам. Особое внимание членов дипломатического корпуса, сообщало агентство «Домэй цусин» (同盟通信社), было приковано к советскому полпреду: все из-за того, что на протяжении последних нескольких лет представитель СССР никогда не появлялся на военных парадах².

Заключение

Начавшееся во второй половине 1939 г. восстановление отношений между СССР и Японией явилось в немалой степени реакцией на советско-германское сближение и итоги военных пограничных конфликтов 1938—1939 гг. В результате столкновений на озере Хасан и реке Халкин-Гол Япония осознала свою уязвимость с точки зрения подготовки, материально-технического обеспечения и координации действий перед Советским Союзом. На примирение с Москвой Токио подталкивали также экономические сложности, вызванные войной в Китае и связанные с общей ситуацией в мировой экономике в связи с началом Второй мировой войны [Ермаков 2022, с. 28]. Пройдя путь от открытого военного противостояния до нормализации политического диалога, советско-японские отношения обретали новое измерение. Одним из следствий улучшения отношений стало изменение положения советских дипломатов в Японии. Уменьшился полицейский нажим, изменились качество и степень взаимодействия японцев с дипломатами. В дополнение к официальным контактам с руководством СССР японские власти стремились развивать отношения с советским полпредством в Токио — это помогало подчеркнуть прогрессивный характер советско-японских отношений и создать вокруг них «дружественную» атмосферу. Проявление японской «искренности», с которой на протяжении 1939—1941 гг. в разных формах сталкивались дипломаты, при этом ставилось под сомнение, к каждому шагу или знаку внимания со стороны японцев полпредство призывало своих сотрудников «быть на стороже»³: сказывался как опыт прошлых взаимоотношений, так и

¹ Посол США Дж. Грю — с 1931 г., послы Великобритании и Франции Р. Крейги и Ш. Арсен-Анри — с 1937 г.

² ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 339.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 151.

представление, что изменения в позиции Японии по отношению к СССР носят временный и ситуативный характер.

Недоверие дипломатов было обусловлено и их собственным не лишенных расовых, физических и бытовых стереотипов взглядом на японцев. «Впечатление о самом Абэ у меня сложилось неважное, — высказывался однажды после встречи с премьер-министром Японии временный поверенный в делах Н.И. Генералов. — <...> Манера вести разговор и расплывчатая старческая, но *типично японская льстивая улыбка* (курсив мой. — И. Д.) обнаруживает в нем пройдоху и не совсем умного хитреца»¹.

Библиографический список

1941 год: в 2 кн. Кн. 2 / сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова; вступ. ст. акад. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. / сост. В.А. Гаврилов. М.: Международный фонд «Демократия», 2008.

Документы внешней политики СССР. Том XXII. 1939: в 2 кн. Кн. 2: 1 сентябрь — 31 декабря. М.: Международные отношения, 1992.

Документы внешней политики. Том XXIII. 1940 — 22 июня 1941: в 2-х кн. (3-х ч.). Кн. 2 (2): 2 марта — 22 июня 1941. М.: Международные отношения, 1998.

Ермаков Д.Н. Политическая оценка событий Второй Японо-китайской войны (1937—1939 годы) в трудах германских официальных военных представителей // Конфликтология / nota bene. 2022. № 3. С. 16—32.

История войны на Тихом океане. В 5 томах. Т. 2. Японо-китайская война. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.

Милеев Д.А. Отношения Японии и Германии в XX веке: сложные поиски *modus vivendi*. М.: Институт востоковедения РАН, 2017.

Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905—1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7—1). Советско-японская война 1945 года. История военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы: документы и материалы в 2 т. М.: ТЕРРА. 1997.

Самойлов Н.А. Российско-японские отношения в 1906—1916 гг. (по материалам из фондов Российского государственного исторического архива) // История Петербурга. 2015. № 1 (75). С. 28—33.

СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 182.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / введение Б.Н. Славинского; предисловие Того Кадзухико. М.: Новина, 1996.

Филиппов А.В. Японоведение в России: традиции классики и тренды перемен // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 6. С. 92—116.

References

1941 god: v 2 knigakh. *Kniga 2.* (1998). [1941: In Two Parts. Part 2]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”. (In Russian).

Dokumenty vneshnei politiki. T. XXII. 1939: v 2-h knigakh. Kniga 2. 1 sentyabrya — 31 dekabrya. (1992). [Documents of Foreign Policy. 1939. Vol. XXII. In Two Books. Book Two. September 1 — December 31]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Dokumenty vneshnei politiki. T. XXIII. 1940 — 22 iyunya 1941: v 2-h knigakh (3-h ch.). Kniga 2 (2). 2 marta — 22 iyunya 1941. (1998). [Documents of Foreign Policy. 1940 — 22 June 1941. Vol. XXIII. In Two Books. Book Two. March 2 — June 22, 1941]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Ermakov, D. N. (2022). Politicheskaya otsenka sobytiy Vtoroi Yapono-kitajskoi voyny (1937—1939 gody) v trudakh germanskikh oficialnykh voennykh predstavitelei [Political Assessment of the Events of the Second Sino-Japanese War (1937—1939) in the Writings of German Official Military Representatives]. *Konfliktologiya / nota bene*, 2022, 3, 16—32. (In Russian).

Filippov, A. V. (2021). Yaponovedenie v Rossii: traditsii klassiki i trendy peremen [Japanese Studies in Russia: From Its Classical Origins to the Winds of Changing Trends]. *Kontury globalnykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 14 (6), 92—116. (In Russian).

Hosoya, C. (1976). *The Tripartite Pact, 1939—1940 / Trans. by J. W. Morley // Deterrent Diplomacy: Japan, Germany, and the USSR, 1935—1940.* New York: Columbia University Press, 179—257.

Istoriya voyny na Tikhom okeane. V 5 tomakh. T. 2. Yapono-kitaiskaya voyna. (1957). [The History of the Pacific War. In Five Books. Book Two. The Second Sino-Japanese War]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. (In Russian).

Korshenko, S. V. (2018). *Obraz Yaponii i yapontsev v sovetskom massovom soznanii nakanune i v period Vtoroi mirovoi voyny* [The Image of Japan and the Japanese in the Soviet Mass Consciousness on the Eve and During the Second World War]. (Candidate of Historical Sciences Dissertation). Saint Petersburg. (In Russian).

Mileev, D. A. (2017). *Otnosheniya Yaponii i Germanii v XX veke: slozhnye poiski modus vivendi* [Japanese-German Relations in the Twentieth Century: Complex Searches of Modus Vivendi]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2012). *Rossiya i Yaponiya v poiskakh soglasiya (1905—1945). Geopolitika. Diplomatiya. Lyudi i idei* [Russia and Japan in Search of Amity (1905—1945). Geopolitics. Diplomacy. People and Ideas]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya vojna. Sovetsko-yaponskaya vojna. 18 (7—1). Sovetsko-yaponskaya vojna 1945 g. Istoriya voenno-politicheskogo protivoborstva dvukh derzhav v 30—40-e gody: Dokumenty i materialy v 2 t. (1997). [Russian Archive: The Great Patriotic War. The Soviet-Japanese War. 18 (7—1). The Soviet-Japanese War of 1945. The History of the Military-Political Confrontation Between the Two Powers in the 30—40s: Documents and Materials. In 2 Vols.]. Moscow: TERRA. (In Russian).

Samoylov, N. A. (2015). *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v 1906—1916 gg. (po materialam iz fondov Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva)* [The Russian-Japanese Relations in 1906—1916 (Based on the Materials of the Russian State Historical Archive)]. *Istoriya Peterburga*, 1 (75), 28—33. (In Russian).

SSSR i strany Vostoka nakanune i v gody Vtoroi mirovoi voiny. (2010). [The USSR and the Oriental Countries on the Eve and During the Second World War]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).

Togo, S. (1996). *Vospominaniya yaponskogo diplomata* [The Memoirs of a Japanese Diplomat]. Moscow: Novina. (In Russian).

Voennaya razvedka informiruet. Dokumenty Razvedupravleniya Krasnoi Armii. Yanvar' 1939 — iyun' 1941 g. (2008) [Military Intelligence Informs. Documents of the Red Army Military Intelligence Administration. January 1939 — June 1941]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”. (In Russian).

Поступила в редакцию: 12.10.2024
Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 12 October 2024
Accepted: 23 April 2025